

*Островский Александр Борисович,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Российского этнографического музея,
Санкт-Петербург, Россия*

Структуральный метод К. Леви-Стросса: истоки, ориентиры, перспективы

В отличие от Франции и других стран, где этнологический структурализм Клода Леви-Стросса вошел в программу университетского обучения и обрел своих последователей, в России — при том, что здесь все переведенные книги ученого довольно быстро были распроданы — его идеи остаются не освоенными и старшим, и младшим поколениями исследователей, а метод почти никем не востребованным. На это имеются и конкретные причины, специфичные для России, и общие, повсеместно затрудняющие рецепцию эвристичного метода. Те и другие в значительной мере обусловлены переоценкой роли методологических истоков в формировании метода Леви-Стросса: синхронный подход к строению фактов культуры долгое время трактовался критиками как антиисторизм, а инструментарий неосознаваемых бинарных оппозиций считался целиком заимствованным из структурной лингвистики. Последнее и сейчас можно услышать и от российских, и французских ученых, даже от учеников и последователей Леви-Стросса; и сам ученый неоднократно заявлял (в том числе в личной коммуникации со мной в 1996 и 2001 гг.), что свой метод он «напрямую получил от Р.О. Якобсона», добавляя также и о влиянии на него идей другого выдающегося русского лингвиста — Н.С.Трубецкого. Трудно сказать, чего больше в этой позиции: уважения к истокам или стремления избежать критики в свой адрес.

При всей открытости и восприимчивости российских ученых (в особенности после отхода от партийного контроля за методологией), были и остаются специфические причины, воспрепятствовавшие конструктивному внедрению леви-строссовского метода: до публикации перевода «Структурной антропологии» (1983) структурализм уже дважды был

воспринят — из работ В.Я. Проппа (1895–1970) и выше названных лингвистов.

На сложение здравого общественного мнения в научных кругах, которое не препятствовало бы внедрению структурно-семиотического метода (в обоих вариантах — русском и французском) существенное влияние оказала отчетливая позиция Е.М. Мелетинского. Опираясь на свою эрудицию и научный авторитет, Мелетинский отверг какие-либо обвинения в адрес *структурно-семиотического метода* (именно так он назвал и метод Леви-Стросса, и набиравшие силу, вне прямого влияния идей французского ученого, семиотические исследования в российской фольклористике) в схематизме, пренебрежении к историческим истокам сюжета. Мелетинский также, можно сказать, поставил точку в теоретическом противопоставлении Леви-Стросса идеям российского структуралиста, исследователя внутреннего строения русских волшебных сказок Проппа.

В статье 1974 г. «К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике» он, во-первых, отверг какие-либо нападки на синхронно-семиотическое (а не только историческое) изучение фольклорных произведений, тем самым взял под защиту своего научного авторитета структурный анализ и синтагматики текстов (подход Проппа), и их парадигматики (подход Леви-Стросса). Во-вторых, он подчеркнул, что главные расхождения в методе у этих исследователей обусловлены различием изучаемых ими предметов — соответственно, сказка и миф. Наконец, и в этой статье, и особенно в своем вскоре опубликованном труде «Палеоазиатский мифологический эпос: цикл Ворона» (1978) Мелетинский конкретно продемонстрировал возможность сочетания обоих методических подходов в рамках одного и того же исследования (хотя при этом имя французского методолога не упоминалось).

Еще два крупнейших фольклориста — В.В. Иванов и В.Н. Топоров уже в 1960–70 гг. способствовали грядущей встрече российских ученых с трудами Леви-Стросса; в своих статьях каждый из этих ученых неоднократно излагал и цитировал некоторые идеи Леви-Стросса касательно мифологического мышления и ритуала. В двух фундаментальных трудах этих ученых (написанных ими совместно в 1965 и 1974 гг.), посвященных изучению семиотических систем в балто-славянской мифологии и верованиях, использован метод структурального моделирования, восходящий напрямую к структуральной лингвистике (фонологии) — наследию Трубецкого и Якобсона. Вместе с тем, в их труде 1974 г. можно встретить элементы леви-строссовской методики обнаружения семиотических осей-признаков посредством табличной экспликации вариантов. (До середины 1980-х гг. в СССР подобный безотсылочный способ ознакомления российской публики с достижениями зарубежных ученых был довольно распространен.) С конца 1970 гг. и по настоящее время в трудах московской этнолингвистической школы, созданной Н.И. Толстым, широко применяется к материалу верований, народных представлений инструментарий бинарных

оппозиций — в том варианте, который является простой аппликацией того же российского фонологического наследия.

Выявление семиотических систем в строении фактов культуры, уподобление этих систем тексту, обладающему грамматикой, уже стало в 1962–70 гг. основным ориентиром тартуско-московской школы (возглавлявшейся крупным литературоведом, жившим в Тарту, Ю.М. Лотманом). Ученые этой школы — в основном московские филологи и культурологи, регулярно собиравшиеся на конференцию в Тарту (Эстония) и имевшие там опыт общения с Р.О. Якобсоном, — не создали единой методологии, унифицированного научного метаязыка. Однако, в опубликованных докладах, прочитанных в Тарту, широко применялся семиотический подход, нередко и инструментарий бинарных оппозиций (без каких-либо соотнесений с Леви-Строссом). И хотя это применялось в основном к литературе, профессиональному искусству, а не к этнологической проблематике, но объективно послужило переносу отдельных элементов семиотики и структурной лингвистики в другие гуманитарные науки. Итак, имевшие место семиотически ориентированные штудии филологов и культурологов, ни в коей мере не выступавших противниками структурно-семиотического метода Леви-Стросса, в определенной мере уже успели насытить читателей теми методическими принципами, которые были предложены им русским переводом «*Anthropologie structurale*» в 1983 г., спустя 25 лет после ее выхода во Франции.

Насколько мне известно, только однажды Леви-Стросс акцентировал, в чем отличие его структурального подхода/метода от полученного им в истоках — из лингвистики; это было в обширном интервью, данном им к его 80-летию: «Плохо понимают, каковы характер и значимость моих заимствований из лингвистики. Помимо общего вдохновения — оно, я убежден, огромно — они сводятся к роли бессознательной деятельности разума (*esprit*) в продуцировании логических структур, что подчеркивалось Боасом, который был столь же антропологом, сколь и лингвистом; затем — фундаментальный принцип, что конститутивные элементы не обладают присущим им значением: оно проистекает из их позиции. Это верно для языка и столь же — для других социальных фактов. Полагаю, большего я не спрашивал у лингвистики, и Якобсон, в период наших собеседований, был первым, кто признал, что — в другой сфере — я осуществил самобытное применение этих понятий».¹

И сразу же Леви-Стросс называет понятие (прежде фигурировавшее в 1917 г. у шотландского биолога А.У. Томпсона), заимствованное и переосмысленное для исследования семантики мифов, — *трансформация*, подчеркивает, что она неотъемлемо присуща структуральному анализу. Все «заблуждения», далее отмечается ученым, по поводу его метода проистекают ввиду непонимания того, что понятие структуры «немыслимо вне понятия трансформации. Структура не сводится к системе: совокупность,

составленная из элементов и объединяющих их отношений. Чтобы можно было говорить о структуре, требуется, чтобы между элементами и отношениями нескольких целокупностей проявлялись инвариантные связи — такие, чтобы возможен был переход от одной целокупности к другой при посредстве трансформации».²

Акцент на понятии «трансформация» при выявлении структур впервые высказан Леви-Строссом в его инаугурационной лекции в январе 1960 г., прочитанной при открытии кафедры социальной антропологии в Коллеж де Франс.³ Вскоре это понятие становится одним из важнейших в работах 1962 г. — «Тотемизм сегодня» и «Неприрученная мысль» и, позднее, в четырехтомном труде «Мифологии» (1964–1971).

Именно благодаря последовательному методическому внедрению трансформационной стратегии в анализ семантики, внутреннего строения фактов культуры Леви-Строссу удалось, полагаю, обоснованно заявить об изучении им, в рамках фактов культуры, мышления — «неприрученной мысли» (*pensée sauvage*), а затем «мифологического мышления» (*pensée mythic*).

Мышление, запечатленное в строении фактов культуры, — таков ориентир и конечный предмет структурального анализа. Трансформационный ракурс в изучении тотемических и прочих классификаций, семантики мифов, а позднее и масок — позволяет высветить логически обусловленные изменения в содержании, от варианта к варианту. Благодаря этому аспекту реконструируемой динамики ментального процесса обнаруживаются и регулярные способы, своего рода правила трансформаций. Именно таким образом в «Неприрученной мысли» ее автором эксплицированы логические переходы от общего к частному и обратно, взаимопереходы классификаций в бесписьменных культурах и положение (позднее многократно доказываемое в рамках изучения мифов) о том, что главная черта ментальных процессов может быть определена как движение «посредством аналогий и сопоставлений», как «аналогическое мышление».⁴

Подчеркнем, что и у нас, и у многих французских этнологов сохраняется нежелание открыто признать, что главные ориентиры леви-строссовского подхода к фактам культуры — это выявление запечатленных в их строении ментальных схем и, прослеживая трансформации семантики, — выявление совершаемых при этом операций мышления. Наблюдение за этими ориентирами леви-строссовского анализа в его «Мифологиях» позволило мне вычленив регулярно совершаемые мышлением носителей традиции три специфические операции. Регулярно совершаются ментальные манипуляции с единицами мышления — таковыми являются бинарные оппозиции: совмещение бинарных оппозиций, перенос бинарности (у Леви-Стросса это названо «инверсия»), ввод медиатора; можно оценить логико-психологическую эффективность этих специфических операций.⁵

Пожалуй, только Франсуаза Эритье — африканист, исследователь систем родства, первый преемник Леви-Стросса в течение полутора десятилетий в качестве руководителя Лаборатории социальной антропологии, открыто признает, каков главный методологический ориентир: «Мы обязаны Клоду Леви-Строссу, начиная, по меньшей мере, с «Деяний Асдиваля», пониманием, вполне определенным образом, того, что не существует ни социального факта, ни повествования, ни даже события, которое невозможно подвергнуть анализу, обнаруживающему логическую арматуру, задающую постижимый смысл и позволяющую сопоставлять. И эта логическая вразумительность (*intelligence*) текста, какого бы то ни было характера, отличается от того, что предоставляет экзегеза его эксплицитного смысла».⁶

Интересно, что хотя исследовательница в своих работах не использует понятие «трансформация», осознание главного ориентира в структуральном подходе — выявление ментальной схемы и образующих такую ось-признаков, что в их совокупности и есть логическая арматура — уже в ранних работах способствовали открытию ею некоторых закономерностей бесписьменного мышления, на материале своеобразной символики запрета на инцест.⁷ В отличие от Леви-Стросса, вскрывающего логико-семиотические процессуальные характеристики мифологического мышления (его специфические операции, интенциональность, динамику кодов), Эритье стремится к изучению ментальных заготовок — в первую очередь, символики тела индивида: телесной анатомии, физиологии, символическая презентация чего служит опорой в ментальных схемах социальных фактов. Стремясь методологически очертить «будущность структурализма», Эритье, фактически, создает собственный вариант структурализма в социальной антропологии, исходящий из того, что в ментальности каждого общества имеются «структурирующие операторы» (*opérateurs structurants*), преодолевающие разрыв чувственного и умопостигаемого, но при этом восходящие к элементарным наблюдениям над телесностью: половыми различиями, необходимостью произведения потомства, жизненными проявлениями, космологическими закономерностями и др.⁸

Мне представляется, что ориентиры, излагаемые Эритье в качестве возможного будущего для структурализма, являются, в методическом отношении, аппликацией леви-строссовской концепции операторов («тотемический оператор» в «Неприрученной мысли»; «бинарный оператор» в т. 4 «Мифологик») в связи с такой важной антропологической тематикой, как символизм тела, телесности человеческого индивида.

Не вдаваясь в рассмотрение именно этой перспективы, можно с уверенностью установить, что будущее структурального подхода (а не только признание значимости концепции Леви-Стросса для истории социальной антропологии) зависит от того, в какой мере будет осознаваться исследователями и в какой мере окажется востребованной и подверженной развитию ментальная составляющая: во-первых, высвечивание ментальных

схем, зачастую не осознаваемых носителями культурной традиции, но ответственных за цельность и связность фактов культуры и, во-вторых, формулирование тех логических операций и/или операторов, действие которых трансформирует, рекомбинирует эти схемы. В настоящее время, знакомясь с работами учеников, последователей Леви-Стросса, можно назвать три сосуществующих направления структурализма в антропологии/этнологии:

- обнаружение бессознательных ментальных схем, закономерностей, с использованием понятия «трансформация», но без вычленения логических операций, операторов; яркий пример — исследования отношений родства у африканиста Шарля-Анри Прадель де Латура;
- применение некоторых леви-строссовских понятий, описывающих операции мифологического мышления (например, «инверсия», «медиация», «гомология» и др.), но без стремления исследовать таковые либо пополнить их новыми; в качестве примеров можно назвать работы по шаманизму Мишеля Перэна, а также ранние работы Филиппа Дескола (по классификациям и др. фактам культуры южноамериканских индейцев) и Эмманюэля Дево (по мифологическим представлениям, ритуалам североамериканских индейцев);
- исследование и развитие некоторых леви-строссовских понятий, концепций на ином этнологическом материале — например, интерпретация и аппликация леви-строссовской «формулы мифа» в работе Дево на материале ритуалов; или же формулирование новых черт мышления, т.е. описание специфических операций или операторов, в рамках структурального подхода — наиболее отчетливый пример представляет позиция Эритье. (Отмечу, что хотя у исследовательницы не задействовано понятие «трансформация», Леви-Стросс неоднократно, отвечая в разные годы на мой вопрос, кто наиболее близок к его исследованиям мифологического мышления, после некоторой паузы называл только ее имя).

Будучи по университетскому образованию психологом и сформировавшись в качестве заочного ученика К. Леви-Стросса, я применяю его метод в третьем из выше названных направлений: эксплицируя и исследуя обнаруженные им черты мифологического мышления, а также сходно с Ф. Эритье, отыскивая в своей проблематике «структурирующие операторы» (числовые коды).⁹

Примечания:

¹ Lévi-Strauss C., Éribon D. *De près et de loin*. Paris, 1988. P. 158.

² Ibid. P. 159.

³ См.: Леви-Стросс К. Предметная область антропологии // Его же Путь масок. М., 2000. С. 370–371.

-
- ⁴ Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Его же. Первобытное мышление. М., 1994. С. 129, 421.
- ⁵ См.: Островский А.Б. Парадигма мифологического мышления: очерк вклада К. Леви-Строса. СПб., 2004. (2-е изд. — 2005). С. 87.
- ⁶ Héritier F. *Un avenir pour le structuralisme* // Claude Lévi-Strauss / Cahier "L'Herne" dir. par M. Izard. Paris, 2004. P. 409.
- ⁷ См. об этом: Островский А.Б. Парадигма... С. 38–42.
- ⁸ Héritier F. Un avenir... P. 409, 414.
- ⁹ См., например: Островский А.Б. Девятка в традиционном менталитете народов Амура // Миф, символ, ритуал. Народы Сибири. М., 2008. С. 35–67.